

Моя жизнь (воспоминания Михеева Михаила Васильевича)

Публикация Р.Ю. Просветова

С Николаем Васильевичем Михеевым — жителем нашего города Кирсанова — знакомство состоялось после публикации моей статьи о кирсановском блаженном Георгии в местной городской газете. В конце статьи было обращение к читателям Кирсанова присыпать в газету новые сведения о подвижнике. На этот призыв и откликнулся Николай Васильевич, он позвонил, мы встретились, и я получил от него рукопись воспоминаний с просьбой их опубликовать. В тексте упоминалось и имя блаженного Георгия, с которым Н.В. Михееву приходилось встречаться. Но газета по понятным причинам не могла принять столь обширные воспоминания к публикации, и копия их осталась лежать в моем личном архиве. С Николаем Васильевичем связь не поддерживалась, поэтому никаких комментариев по поводу этого текста, обстоятельств и мотивов его написания не имею. Воспоминания печатаются в авторской редакции с необходимой корректурой. К тексту воспоминаний примыкают литературные опыты Н.В. Михеева, духовный и гражданский пафос которых также, на мой взгляд, заслуживает внимания. Воспоминания печатаются с небольшим сокращением, отмеченным в тексте квадратными скобками.

Р.Ю. Просетов, научный сотрудник Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина

Моя жизнь (воспоминания Михеева Николая Васильевича — сына и внука «врагов народа», или просто обычных крестьян Кирсановского уезда)

Моим детям

В деревне Усово Курловщинского с/с (сельского совета. — Примеч. сост.) Бондарского района Тамбовской области жил и трудился крестьянин Федор Яковлевич Михеев. Жил хорошо, спокойно. Трудился на славу для себя и государства, исправно платил налоги и всевозможные подати. Был у него хороший сад, корней сорок яблонь, и на каждой яблоне привито два-три сорта разных яблок, были вишни и сливы, смородина, малина «Виктория». Все возделано его собственными руками при содействии трудолюбивой и очень доброй жены Марины Ивановны Михеевой.

Была у них скромная небольшая семья: сын Василий (1906 г.р.), дочери Мария (1908 г.р.), Татьяна (1910 г.р.), Анастасия (1912 г.р.), Анна (1914 г.р.), Александра (1920 г.р.). У Василия Федоровича была жена Татьяна Фоминична Михеева (1905 г.р.). Их дети: Николай (1925 г.р.), Петр (1927 г.р.), Валентина (1929 г.р.) и Дмитрий (1931 г.р.). Жили все дружно, работали на совесть, были очень веселые, шутили, смеялись. В поле дружно убирали хлеба: кто косил, кто вязал снопы, кто таскал и укладывал в копны. Даже осенью и зимой работали не покладая рук: мужчины — во дворе и на гумне (место, где был амбар для хранения зерна и муки и где находился сельскохозяйственный инвентарь, там же молотили снопы, заготовленные летом), женщины — в доме. Там был установлен ткацкий станок: кто ткал, кто пряд, кто сучил цевки для ткацкого станка. Все были при деле и не просто работали, а работали, что называется, с огнем.

ком, весело, и пели песни, пели очень ладно. У всех были хорошие голоса и хороший музыкальный слух.

В праздничные дни ходили в храм, который находился в селе Курошине, за два километра. Приходя из храма, садились обедать всей семьей за один стол. Дедушка Федор был строгим, не любил, чтобы кто-то опаздывал к обеду или за столом неприлично себя вел. После обеда кто шел отдыхать, кто на улицу играть. А игры были всякие: одни играли в лапту, другие — в «орел», третьи — в палочку-выручалочку, парни с девчатами ходили на улице с балалайкой или гармошкой, пели протяжные песни и задорные частушки.

Особенно большими считались праздники Пасха, Вознесение и Троицы. В эти праздники было особенно весело. Парни и девчата с гармошками и балалайками шли в лес, где собирались молодые со всех близлежащих деревень. И вот уж тут было настояще веселье: кто во что горазд, всякая художественная самодеятельность.

Не обходилось иногда и без драки — одна деревня на другую. Возвращались домой веселые, уставшие, возбужденные. На некоторых были изорваны рубахи, носы в крови и синяки под глазами. Немного отдохнув, поужинав, вечером опять шли на улицу. Соберутся где-нибудь на перекрестке или у какого-нибудь сруба и опять начинается веселье и всякая самодеятель-

ность. Кто под гармошку, кто под балалайку, не то, что ныне. Сейчас возьмут под мышку какой-то непонятный инструмент, не то магнитофон, не то проигрыватель, идут по улице, а чего он гудит (не играет, а то гудит, то орет-стрекочет), они и сами-то не знают, что слушают. Вот такое сравнение. Может, я и не прав, но в те времена жили совсем по-другому. И хотя работали очень трудно, все дела делали вручную, но были веселые и трудились весело без всяких алкогольных напитков. А по вечерам в нашей семье после ужина и чая пели молитвы и божественные стихи и, помолившись, ложились спать. Так и жили спокойно.

Но вот настала зима 1930/1931 года, и поползли слухи о какой-то доселе неслыханной коллективизации. О колхозах каждый толковал по-своему. Соберутся мужики у кого-нибудь в доме, кто говорит: пойдем в колхозы, а кто говорит: не пойдем. Склонялись к вступлению в колхоз те, кто в своем хозяйстве работал плохо, обрабатывать землю ленился и потому получал плохой урожай. Такие люди собирали плохо по своей нерадивости. Их называли бедняками, это были любители выпить и посидеть за картежным столом.

Началась посевная 1931 года, и тут грянула беда на русскую землю: коллективизация. Люди были распределены на зажиточных, середняков

Храм свт. Димитрия Ростовского в д. Тишениновке.
Фото 2005 г.

и бедных. Наша семья относилась к середнякам. Начали гнать в колхоз. Первыми пошли бедняки, так как им нечего было терять, а в колхозе они надеялись жить за счет зажиточных и середняков. Но последние не шли в колхоз. Было жаль своего добра, честно нажитого, так как понимали, что их трудом будут пользоваться лодыри. Вот тут-то коммунисты и обрушили все свое зверство на население страны.

Чтобы запугать остальных, начали раскулачивать зажиточных. Кто такие кулаки? Раньше такого слова не знали, это слово придумал товарищ Ленин, назвав всех честных тружеников кулаками. А что такое раскулачивание? Коммунисты, взяв с собой бедных лодырей, вошедших в колхоз, подъезжали к усадьбе честного труженика. Они входили в дом и заявляли: «За то, что ты не идешь в колхоз, хозяйство твоё подлежит раскулачиванию» и начинали брать все движимое и недвижимое имущество, нажитое честным трудом, оставляя лишь то, что находилось на теле человека. Выгребали весь хлеб, забирали весь скот, выгоняли из родного дома и забивали двери гвоздями. Скот — лошадей, коров, овец — гнали на колхозный двор, а вещи отдавали за бесценок на торги или так раздавали беднякам.

Такому вот раскулачиванию в 1931 году, в мае месяце, и подверглась семья середняка Михеева Федора Яковлевича, состоявшая из четырнадцати человек. В хозяйстве имелось две лошади, корова, телка и десять овец. В один из майских дней несколько подвод подъехало к дому Михеевых и началась потеха коммунистической голытьбы. Начали тащить из дома все, что попадет на глаза, тащили со двора, из амбара выгребали хлеб. У амбара была привязана очень злая собака по имени Валет, она никого не допускала. Тогда два человека с кнутами подошли, начали ее сечь и секли до тех пор, пока Валет не сдался и не присмирел. Только тогда они начали выгребать хлеб и собаку тоже увезли: привязали к телеге. Потом ее взял себе какой-то активист, позавидовав, что хорошая собака, но Валет не стал им служить, и они его убили.

Вот таким образом мы были лишены всего. Мне в то время шел шестой год, Пете — четвертый, Вале — второй и младшенькому Мите — третий месяц от роду. И выбросили нас из дома, как котят, под открытое небо, а дом забили гвоздями. Мы столпились возле дома Михеева Григория Яковлевича, а Петя подошел к двери нашего дома, дергает за ручку, плачет: «Хочу домой». На все это страшно смотреть. Так «добрая» советская «народная» власть пустила нас из своего теплого гнезда скитаться по народу, по квартирам. И это

не только нас одних. Кроме нас еще четыре семьи были пущены по свету: Макеевых, Слеповых, Архиповых и Никишеных.

Макеевых раскулачили за то, что они в своем хозяйстве имели молотильную машину для обмолота хлеба, приводимую в движение при помощи лошади. Слеповы имели мельницу для размола зерна на муку. Никишины имели ческу для расчески шерсти. Архиповых раскулачили за то, что их глава семьи — дядя Гаврил — был когда-то на барском дворе объездчиком полей. Ну а наш дедушка Федор ходил в храм и пел на клиросе. Все эти люди в 1937 году были репрессированы по тайному указанию «отца народов»: Макеев Филипп Иванович с сыном Ильей Филипповичем, Слепов Фома Яковлевич с сыном Федором Фомичем, Архипов Гавриил Сазонович с сыном Иваном Гавриловичем, Никишин Федор Никифорович, Михеев Федор Яковлевич с сыном Василием Федоровичем. Из девяти человек вернулись только двое — Слепов Федор Фомич и Михеев Василий Федорович. А остальные были расстреляны по беззаконному суду «тройки» НКВД. А молотильная машина, ческа и мельница под «умелым» руководством пролетариев вскоре были приведены в негодность и растищены.

А мы пошли скитаться по квартирам. Сначала по-родственному нас принял Михеев Григорий Яковлевич, так как он записался в колхоз, и их не тронули. Но у него тоже была большая семья, и мы в зиму перешли в пустой дом Фени Семкиной. Перезимовали у нее, но летом она откуда-то приехала и сказала нам уходить. Мы перешли в пустой дом Васьки Дронова. Сам он с семьей жил в Саратове. Перезимовали у него, а в лето он приехал. Мы перешли в пустой дом Михаила Дронова. Это была зима 1932/1933 года. Вот в этом доме в феврале 1933 года и родился еще мой братец — Михеев Василий Васильевич. Стало нас у отца с матерью пять детей. В этом доме перезимовали, даже не перезимовали, так как перед самой весной приехали хозяева, и нам пришлось оттапливать нежилой дом Афанасия Романовича. Он тоже жил где-то на стороне. До весны дожили и перешли в кирпичный дом Арины Сергеевны. В этом доме мы жили год.

Это был трудный, голодный 1933 год. Весной было совершенно нечего есть. Когда начала расти трава, стали оживляться анисом, горючей. Ходили в лощину рвать конский щавель, такой широколистный. Рвали его много, приносили домой, часть сушили и толкли в ступе на муку, часть шинковали и варили в чугуне,

потом цедили через решето, потом месили тесто на этой же щавелевой муке, потом, обваляв немного в ржаной муке, на сковороде выпекали пышки, которые покрывались корочкой, а внутри были жидкое и мазучие. Вот с такими пышками и ели разные, тоже травяные, супы. От такого питания я опух и был на грани смерти. Но благодаря тому, что созрел хлеб, наши — отец и дед — пошли работать по найму в деревню Ивановку, где пока еще жили единолично. День работали, а ночью приносили по пуду ржи. Из этой ржи бабушка Марина Ивановна варила ржаную кашу и давала нам понемногу. Каждый день, прибавляя рацион, выхаживала нас, пока мы не пришли в норму. Вот эта Ивановка и спасла нашу жизнь. Так наши мужчины работали, зарабатывали хлеб в запас, и мы были спасены от голода. Вместе с нами переживала нужду бабушка Мария Федоровна Неретина, моя крестная. Ее муж, Неретин Василий Иванович, — коммунист и лотрыга¹ — метался с места на место, все искал легкой жизни и, наконец, бросил ее с трехлетней девочкой Валей. А куда ей было деваться, кроме как идти в семью своего отца, моего деда. Так она и прожила всю жизнь с нами, переживали вместе горе и радость. Она была ученою портнихой и работала не покладая рук.

Потом мы перешли в дом Слепова Ивана Фомича — это родной брат моей матери Татьяны Фоминичны. Он был коммунистом, вертелся у власти. Его назначили председателем колхоза в деревне Першеково (это от Усова километров пять или шесть). Он переехал туда с семьей, а нас пустил в свой дом. В этом доме мы прожили с 1934 по 1938 год. Так как Иван Фомич обосновался в деревне Першеково окончательно, в 1938 году он продал дом на слом, и нам пришлось снова искать квартиру. В этом доме мы прожили четыре года. И жили, можно сказать, неплохо. Отец работал по найму. Летом плотничал, зимой валял валенки. Дед Федор Яковлевич был как снабженец. На заработанные деньги покупал продукты. Крестная Мария Федоровна шила. Брали заказы и приучила шить сестер, в том числе и мою мать Татьяну Фоминичну. Дело пошло в то время не плохо, мы пользовались огородом Ивана Фомича, хотя не полностью, а частично.

Ну а слуги «народной» советской власти всячески старались нас притеснять. У нас не было ни своего дома, ни своего огорода, но они нагло

облагали нас какими-то налогами и старались у нас что-то отобрать из вновь нажитого. Но были люди, которые заблаговременно нас предупреждали: «У вас будет обыск», — и мы прятали нажитое по знакомым. Благо, мир не без добрых людей. Но мы были сильно запуганы, да и не мы одни. Колхозникам тоже не сладко жилось, работали за трудодень, а на трудодень в конце года дадут два или самое большее — три мешка зерна, и это было счастье. А налоги с них тоже драли — не щадили, не знаю, а вернее, не помню, сколько деньгами. Они, собственно, жили за счет огорода. Огороды были 40, самое большее — 50 соток, и за эти огороды с них драли сельхознаго деньгими, мясозаготовку 40 кг, 75 яиц, 8 кг масла, 3 ц картошки, не помню, сколько шерсти, и все это с 40 соток. Благо, что они держали подсобное хозяйство: одну корову и три овцы. Больше держать не разрешалось по советскому «свободному» закону. Вот так жили колхозники.

Опишу один случай. До чего были запуганы люди тех времен — не только дети, но и взрослые. Моя сестра Валя, в то время ей было четыре или пять лет, пошла за кочанами к Михееву Григорию Яковлевичу (они шинковали капусту). Набрала кочаны штук пять или шесть и несла их впереди себя. Мы смотрели, как она идет, радовались, что сейчас будем есть кочаны, но вдруг Валя ни с того, ни с сего побежала в сторону огородов. Мы не поймем, с чего бы это, что с ней случилось. Побежали за ней, догнали лишь в конце огородов, а она сильно испуганная. Спрашиваем, почему не пошла домой, а убежала, а она показывает, что в конце деревни идет Любезный. Действительно, в конце деревни шел председатель колхоза Любезный, который был не наш деревенский, а присланный из района, и отличался жестокостью с колхозниками, а уж о нас, раскулаченных, и говорить нечего. И Валя боялась, как бы он не отобрал у нее кочаны. Вот так боялись народную власть.

В доме Ивана Фомича мы прожили четыре года. Отец работал на дому, чинил обувь. А когда на дому не было работы, уходил в близлежащие деревни. Дед плел лапти и носил на базар в Бондари за 20 километров. Женщины шили кто дома, кто тоже в близлежащих деревнях. Работали дешево, за деньги мало, а все больше за продукты: кто даст картошку, кто — муки, кто — молоко, лишь бы только выжить.

¹ Лотрыга — пьяница, бездельник, пустой человек. — Примеч. ред.

Пришло время идти в школу, очень хотелось учиться. Но учиться не пришлось лишь потому, что много было плохих сверстников из этих самых семей активистов-лодырей, которые без конца дразнили, называли негодными словами и грозили дракой и всякими издевательствами. И я, чувствуя свою беззащитность, попросту не пошел в школу, а стал заниматься дома. Учиться очень хотелось. Мне достали букварь, и я быстро научился читать. Потом стал учиться писать, тоже получилось хорошо. Но с арифметикой были трудности, и так осталось по сей день. Рисовал хорошо, и были замыслы стать художником, но, увы, замыслам не дано было сбыться. Жизнь повернула по-своему.

Зимой 1937 года скоропостижно от менингита умер мой шестилетний брат Митя. Вечером он играл, был очень забавный, а утром не встал, сказал, что очень болит голова, а к утру следующего дня скончался.

В августе того же 1937 года был арестован дедушка Федор. Хотя нас предупредили добрые люди, что приехали из района арестовывать деда, но, увы, было поздно. Он работал в то время в лесничестве, косил траву, и нас с Петей послали, чтобы предупредить его. Мы бежали краем леса. И вот уже видим: дед, пригнувшись, косит. Ну, думаем, сейчас предупредим. Да не тут-то было. Оглянулись, а по дороге на тройке борзых рысаков уже обгоняют нас энкаведешники. Мы видим, что, подъехав к нему, они предложили сесть с ними и, развернувшись, поскакали обратно. Увидев нас, дед помахал нам рукой, и на этом закончился его жизненный путь.

Дочь его, Неретина Мария Федоровна, не раз подавала в розыск, но результат был один — осужден без права переписки. И все эти годы, вплоть до 1989 года, мы все ждали, что откуда-то появится наш любимый дедушка. И только во время «перестройки» Михаила Сергеевича Горбачева, когда была объявлена полная реабилитация репрессированных, я подал в розыск, и мне ответили, что дед по суду безграмотной «тройки» НКВД осужден 11 сентября 1937 года к расстрелу, и 20 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение.

В том же 1937 году, 11 декабря, был арестован мой отец — Михеев Василий Федорович. Его нашли в соседней деревне, где он трудился, зарабатывая на пропитание семьи. И даже не допустили проститься с семьей. В отличие от деда отец в марте 1937 года прислал письмо

из Самары и сообщил, что также подвергся суду неграмотной «тройки» НКВД и приговорен по 58-й статье пункт 10-й² к 10 годам тюремного заключения. Эти 10 лет он отбыл от звонка до звонка, но всегда слал нам письма. За эти 10 лет повидал всю Россию. Из Самары перегнали на Дальний Север, в Мурманскую область — полуостров Кольский, оттуда — на Печору Коми АССР, и уже оттуда — на Северный Кавказ, откуда и был освобожден в 1947 году, 11 декабря.

В 1938 году Иван Фомич продал дом, в котором мы жили, на слом, и нам пришлось снова искать жилье. Благодаря Господу Богу нам повезло — предложил свои услуги Краснобаев Николай Михайлович. Сам он жил в Ленинграде, а здесь в доме проживал его младший брат Павел Михайлович. Инвалид от рождения, у него на правой руке не было трех средних пальцев, а на левой ноге — четырех пальцев, лишь один мизинец, загнутый крючком. К тому же он был несовершеннолетним, и Николай Михайлович взял его с собой в Ленинград, а нас пустил в свой дом под наблюдением своего старшего брата — Ивана Михайловича Краснобаева, который относился к нам не плохо. Мы прожили здесь три года.

Первую зиму с 1938 по 1939 год зимовали, топились кое-чем. Ходили в лес, заготавливали дрова, вязанкой таскали их на спине, зимой — на салазках. Но ничего, по Божией милости пропортились хорошо, а весной и летом 1939 года мы стали ездить с тачкой в лес: там мы с бабушкой Мариной корчевали пеньки дубовые, может быть, пятидесятилетней давности. Подойдешь к нему, пошатаешь — он нетвердо стоит. И начинаем его обрабатывать, окапываем кругом лопатой, топором обрубаем корни и прилагаем усилия, расшатываем его. Где не поддается, опять подкапываем, подрубаем и, наконец, выворачиваем радостные — он наш. А которые пеньки не шатались, мы их по окружности обкалывали топором и грузили на тачку — таких пенька два или три, смотря по их размеру: эти осколки и везли домой. Я, бабушка Марина, Петя и Валя — вот и была наша тягловая сила.

За весну и лето мы таким образом заготовили очень много пеньков, которые привозили домой. Дома кололи их топором и колуном, клином, всякими способами. Работа была очень трудная, можно сказать, непосильная здоровому мужчи-

² Антисоветская пропаганда. — Примеч. сост.

не, а мы с бабушкой Мариной это осиливали, а которые пеньки не поддавались, оставляли их до зимы, надеялись, что они зимой под действием мороза будут раскалываться. Так мы заготовили колотых дров полон сарай и радовались, что зимой будем топить без горя.

Но слуги антихриста и в то время не дремали. Однажды мы уехали в лес, а на пеньках расстелили два одеяла: одно шерстяное, другое байковое — недавно купленные на заработанные деньги. Дома осталась тетя Таня, она была больная, и Валя Неретина, а другие все были на работе — кто где. Когда мы возвращались из леса, везя тачку с пеньками, то расстеленных одеял не было. Бабушка сказала, что Татьяна рано сняла одеяла — ведь солнце было в самом разгаре. А когда пришли домой, то тетя Таня была в слезах и рассказала, что пришли сборщики податей и забрали одеяла. Она схватила одеяла, но они из рук вырвали, ведь в то время они ходили не по одному, а человека три-четыре. Разве справится с ними женщина, да притом еще и нездоровая.

В то время жил от нас через дом недавно заболевший туберкулезом легких один коммунист — Макеев Николай Александрович, родственник тех Макеевых, которых репрессировали. Расскажу, почему он заболел. Он с Андреем Фроловым, комсомольцем лет 18, и еще с двумя ребятами дал подписи на репрессию всех репрессированных наших усовских в 1937 году. За подписи им дали по 30 рублей каждому, и вот эти иуды на darmовые деньги пьянизовали. Этот Коля Макеев повалился на сырой земле и заболел туберкулезом легких. Теперь вот он выходил посидеть на скамеечке возле дома и все поглядывал, как мы заготовляем дрова, а иногда к нему приходили его дружки, и, по всей вероятности, разговор был о нас. Так в конце сентября к нам пришли сборщики податей, требовали налог, а так как у нас платить нечем, то они описали эти дрова, и нам пришлось часть этих дров прятать ночью по соседям и по разным закоулкам. А на второй день приехали на лошадях, на подводах и нагрузили девять лошадиных возов нашего пота и крови, и все это свезли к этому иудею Коле Макееву. Но не пришлось ему греться нашими дровами, в декабре 1939 года он умер.

В 1939 году зима рано вступила в свои права. В ноябре месяце стояли сильные морозы, снегу навалило очень много, но с хлебом был кризис, а жить надо, семья большая. Прослышиали,

что в селе Гусевка есть мука в магазине. Гусевка находится в семи километрах от Усова, мы с бабушкой Мариной взяли салазки и пошли. Была сильная поземка, но мы на это не обращали внимания, лишь бы достать муку. Пришли в Гусевку, там в магазине муки нет, и нам сказали, что есть мука в деревне Тютчево, это еще три километра. Бабушка говорит, что же, пойдем туда, а тут погода потеплела, снег пошел хлопьями, и я говорю: «Нет, бабушка, пойдем домой, а то видишь — погода потеплела, кабы чего не было», а она говорит, что ничего, тут не далеко. Ну мы и пошли. Пришли в Тютчево к обеду, и нам там сказали, что муки нет, но уехали за мукою в район, в Гавриловку. Но погода брала свое. Снег пошел мокрый. Я опять настаивал идти домой, но бабушка настояла на своем, будем ждать. Ждали до ночи, а в ночь разразился проливной дождь. Мы заночевали у знакомых. Муку привезли поздно вечером, а утром встали посмотреть, снега как и не было, кругом лед и вода. Пошли в магазин, нам сказали: «Пока не продаем, ждем распоряжения». К обеду пришло распоряжение муку продавать только своим, и сколько мы не просили — нам не дали. И мы пошли ни с чем.

В валенках было идти нельзя, кругом вода. Хозяйка, у которой ночевали, дала мне свои старые туфли. Так и пошли домой, а дождь льет за шею. Сначала я обходил лужи, а потом промокли ноги и сам весь промок до нитки, и уж тут не разбирал луж, а шел напрямую. Бабушка была обута лучше меня. У нее на ногах были шубные чулки, а на них торфяные бахилы, а уж потом лапти. У нее ноги не промокли, хотя сама вся промокла, но ноги сухие. И вот пришли мы в село Курошину (от Усова два километра), зашли к знакомым погреться и попить горячего чая, а к вечеру пришли домой все мокрые и проявшие и скорее на горячую печку и горячий чай. И с этого или еще с чего в эту зиму у меня стали болеть ноги.

Зима была холодная, топились оставшимися пеньками. С морозом они лучше кололись, хотя все равно с большим трудом. А мы с Петей ходили в лес с салазками за сучками, так и протопились зиму.

В эту зиму я стал зарабатывать, объявился сапожником. Мне стали носить в починку валенки, галоши заклеивать. Брали не дорого, лишь бы было немного денег на хлеб, лишь бы выжить. Весной нанимались копать огороды под лопату, а осенью помогали добрым людям выбирать картошку. За это нам давали кто два ведра картошки, а кто и побольше.

Однажды январским вечером наша тетя Таня ушла к Михеевым, к двоюродным сестрам, повечерять, а к ним туда зашел председатель колхоза, такой маленький, хроменький. Он был наш усовский, его так и звали — Митя-инвалид. Был он лодырь никчемный, а вот кто его поставил председателем — не знаю: или от района, а возможно, колхозники выдвинули шутки ради, все равно колхозная жизнь пропаща. И вот он начал приставать к тете Тане, начал вывертывать руки и тому подобное, но она сумела от него вырваться и убежала, а там расстояние домов десять. Прибежала домой, начала стучать и сильно кричать: «Открывайте скорей, за мной гонятся». Открыли ей и быстро закрыли, а она от испуга трясется и слова не выговорит, но потом все-таки поняли, что за ней гонится председатель колхоза, могучий начальник. Вот и он забарабанил в дверь. Но мы его не пустили, он долго стучал, а потом пошел к соседям и сказал, что Михеевых приехала милиция забирать, а они не открывают дверь, попросил топор и клещи, чтобы силой открывать. Соседи, ничего не зная, дали ему инструмент, ведь начальник все-таки. Это было где-то часов в девять вечера. И вот он с инструментом пришел и начал выдирать окно, бабушка Марина подготовила топор, говорила, что как только он полезет в окно — отрубит ему голову. Она была решительная. А я был в одних кальсонах, так как приготовился спать. Я очень испугался, что бабушка по горячности может сделать уголовное, тогда я отслонил бабушку, а сам стал у окна на улице. Он, хромой недолюдок, вытащил раму и подал ее мне. Я передал ее в дом, там в спешке стали ставить и разбили верхний глазок, а он начал лезть в окно. Залезет на завальню, а я его ногой стокну в снег, а бабушка так и стоит возле окна с топором на случай, если я с ним не справлюсь. А он поднимается со снега и опять лезет на завальню, я его опять пихну ногой — он летит в снег. И так продолжалось много раз. Соседи все вышли, собралось много народа, а он, невзирая ни на кого, не стесняясь, продолжал свое дело. И уж не знаю, как он все же отстал, или его кто-то из их правленцев отговорил от позорного дела, но он все же ушел. А был очень сильный мороз. На второй день вышел я к товарищам, и те из них, что сочувствовали нам, поздравляли меня, молодец, говорили, хорошо ты поддавал ему. Только говорили, что же ты не облил его водой, тебе было бы меньше мороки.

В доме Краснобаева мы прожили три года, так как в 1941 году, 22 июня, объявили войну. После

объявления войны на нас опять начались гонения. Павел Михайлович, младший брат Николая Михайловича, в то время приехал из Ленинграда и жил у старшего брата — Ивана Михайловича, но считался хозяином дома, в котором мы проживали. И вот недоброжелатели начали внушать ему, чтобы выгнал нас из дома как кулаков и врагов народа, и он нас выгнал, так как он в то время считался комсомольским секретарем. Мы попросились к Грише Авдошину, так как у него был дом его младшего брата Николая, который жил где-то на стороне. Дом был свободный, и он нас пустил в него. Месяца два мы там жили, и опять же недоброжелатели на правлении колхоза начали говорить Грише Авдошину, чтобы выгнал нас, а то, говорят, и ты будешь враг народа. И он пришел и сказал бабушке Марине: жалко, — говорит, — вас, но что я могу сделать, когда мне самому угрожают? Что же делать, пришлось искать еще квартиру и, слава Богу, нашлась было квартира хорошая, хорошие хозяева, Тоня Ванина. У нее в то время летом умерла свекровь, она жила с дочерью и двумя золовками, это две сестры ее мужа. Они после похорон главы семьи как-то боялись и приняли нас с радостью, и мы с ними жили очень хорошо, можно сказать, одной семьей. Даже есть садились за один стол.

Прожили мы с ними месяца четыре, и опять активисты стали угрожать этой женщине, чтобы нас выгнать. Она долго не говорила нам, но потом не выдержала натиска недоброжелателей и сказала, чтобы мы уходили, и при том даже извинялась. Но нам опять нашлась квартира в садовом поселке. Женяка Семкина с дочерью Настей стали уезжать в Ленинград, а нам предложили свой дом, чтобы он не был пустой. Уезжая, сказала: «Отсюда вас никто не выгонит. Я уеду в Ленинград, ко мне они туда не приедут, и вы живите спокойно». И правда, с год мы жили спокойно, но все равно негодные люди приходили, придирились по всякому поводу, но выгнать нас из дома не могли. Поэтому и злились, что не могут нас выгнать.

Ну а мы работали, кто где мог. Я работал дома, чинил обувь, kleил галоши, подшивал валенки. Тети работали, кто дома: шили платья и одежду, а кто в других селах. А мать работала большей частью в своей деревне. Бабушка Марина Ивановна была домохозяйкой. Готовила пищу, ведь на такую большую семью много надо приготовить. Это не так-то просто. В свободное время и в праздники я ходил к одному парню, он был больной: у него нога болела ранами, он ходил на костылях и все больше сидел у себя в проулке на траве. Я к нему приду и тоже сяду

с ним рядом на траве, и разговариваем, и шутим. Глядим, еще кто-то из ребят подойдет и уже тут становится парню хорошо, повеселеет и пошутит. А когда останемся с ним вдвоем, он и говорит: «Вот, Коля, спасибо, ты ходишь ко мне, а без тебя ко мне никто не ходит».

Осенью 1942 года, в конце октября или в начале ноября, я попал под арест. А дело было так. К нам пришел мой троюродный брат Коля Макеев. Он жил в деревне Спокойное у своей тети — Маши Климановой, потому что его отца — Макеева Илью Филипповича — и деда — Филиппа Ивановича арестовали вместе с нашим дедом Федором Яковлевичем в 1937 году, а после арестовали и мать — Ольгу Егоровну, и брата — Василия Ильича, а позднее еще и Ивана Ильича. Они остались вдвоем с сестрой Маней несовершеннолетние. И вот их тетя — Мария Егоровна Климанова — и взяла к себе. Когда этот Коля был у нас, а дело было уже к вечеру, мы с ним договорились идти работать — чинить обувь — в другие села. Тут к нам зашли два типа и начали притираться к бабушке Марине об уплате займа. И кто же, вы думаете, это были? Один счетовод колхоза, так себе, хромой, а другой был бравый из себя директор МТС (Это раньше была такая организация по ремонту тракторов, расшифровать — машино-тракторная станция). И этот хромой счетовод начал наговаривать на меня директору, что вот он, мол, собирает группу неплательщиков и ведет среди них агитацию. Этот директор и арестовал меня. Глупо, но мы были запуганы, и поэтому я подчинился аресту. Повели меня вправление колхоза. По пути они пошли еще в один дом, где были неплательщики. Когда стали заходить в дверь, то я за угол и был таков. Вот это был мой первый арест и побег из под ареста.

Придя домой, я увидел, что Коля Макеев был еще у нас. Я сказал, что убежал, и мы с ним быстро ушли к нему, в деревню Спокойное. Стал я ходить по деревням искать работу по починке обуви. Был в селе Гусевка, в деревне Сурках, в Ивановке, в Александровке, а потом мы с Колей Макеевым подались в деревню Озерки. Там нашлось много работы, люди были хорошие. Мы там работали, нас полюбили, и нам там было хорошо. Деревня была глухая, находилась на самом краю Гавриловского района. Власти туда заходили очень редко, а когда приходили, то нас жители этой деревни заранее предупреждали, чтобы мы не работали и не показывались на глаза. Таким образом, мы там проработали всю зиму. Днем работали, а вечером ходили на улицу с девчатами и ребятами. Жилось весело, но по дому, по семье скучали. Хотелось домой.

И вот под Рождество в 1943 году с небольшим зара-ботком, поздно вечером я пришел домой. В своей деревне Усово я уже боялся ходить открыто, потому что много было недоброжелателей.

На праздник Рождества Христова собралась вся наша большая семья. Утром встали, помолились Богу и стали рассказывать, кто и где как работал. Было радостно, что собрались все вместе. Но радости нашей не суждено было быть продолжительной.

Пообедали всей семьей. После обеда стали отдохнуть, кто как может. Я залез на печку полежать на горячих кирпичах. Но отдых мой был нарушен. К нам в дом вошли два человека, вооруженных винтовкой. Это были председатель с/с Василий Павлович Епихин и секретарь с/с (его в насмешку звали Митя-тельтовет, потому что он не выговаривал сельсовет, а говорил «тельтовет»). Так его и звали тельтоветом, фамилию его я не помню. И вот эти два человека начали арестовывать нашу семью. Арестовали меня, крестную Марию Федоровну не тронули, так как она другой фамилии. Маму мою не тронули, так как у нее еще трое несовершеннолетних детей. А нас четверых повели под винтовкой в сельсовет. Они, видно, сообразили, что мы в праздник соберемся вместе, вот и устроили нам «праздник».

Поводом послужило то, что в это время моим сверстникам вручили повестки из военкомата о призывае на военную службу, а меня они решили арестовать как неблагонадежного, сына врага народа, а заодно прихватили и остальных. В сельсовете разобрались, что тетя Нюра не нашей фамилии и что у нее муж — Ларькин Тихон Иванович — служит в армии. Ее сразу отпустили домой, а нас троих оставили там ночевать. Поставили над нами вооруженного сторожа. Утром, когда собралась вся эта свора, то сочинили на нас какие-то бумаги в милицию, запечатали в пакет, назначили вооруженного сопровождающего и повели нас в район, в Бондари, в милицию, а бабушку Марину отпустили домой как престарелую. Бондари от Усова были в 25 километрах, все пешком.

Когда повели через Усово, то тот больной парень, его звали Ваня, смотрел в окно и плакал. Это мне потом рассказали. Был морозный день, мы шли не торопились, хотя сопровождающий и поторапливал нас, а мы ему говорили, что нам торопиться некуда. А сами думали при наступлении ночи бежать от него. Но Бог судил по-своему.

Наш путь лежал через село Граждановку, которая от Усова 8 километров. Когда мы пришли в Граждановку, было уже время после

обеда. Мы стали говорить своему сопровождающему, чтобы зайти в какой-нибудь дом отдохнуть и перекусить, он не соглашался. Но мы все-таки упросили его, он согласился и мы зашли к знакомым. Там жила женщина по имени Катя, она была много лет парализована, но Бог дал ей дар прозорливости. Когда мы стали отдыхать и кушать, она нас расспрашивала — что и как. Мы ей рассказали, что нас арестовали. Тогда она обратилась к нашему сопровождающему и сказала: «Отпусти их». А он говорит ей, что нельзя, если я их отпущу, то меня за них посадят. А она и говорит ему: «Тебя и так посадят, а их все равно отпустят». И ее слова сбылись: когда он вернулся домой, его на второй день куда-то послали на лошади. Он торопился, гнал лошадь и загнал ее до смерти, она подохла и его судили. Дали ему год принудительных работ (это тоже нам рассказали после). Нашего сопровождающего звали Петр Горюнов. Когда мы вышли от Кати, было около трех часов дня, а нам до района еще 18 километров, и мы думали с наступлением темноты сбежать от него. Но Господь Бог распорядился по-своему, и когда мы отошли от Граждановки километра три, то увидели, что нам навстречу едет человек на лошади. Когда он поравнялся с нами, оказалось, что это милиционер. Тогда наш сопровождающий обратился к нему: «Вы Киселев будете?» Он подтвердил, что и есть Киселев и едет в Курошинский сельсовет, то есть в наш. Тогда сопровождающий сказал ему, что ведет арестованных, которые направлены к Киселеву, и пакет на нас есть, адресованный Киселеву. Милиционер, взяв пакет, открыл его и стал читать. Прочитав, он обратился к тете Шуре и спросил, за что ее арестовали. Она ответила, что не знает за что. Тогда он спросил меня, за что меня арестовали; я тоже ответил, что не знаю за что. Тогда он посмотрел на нас, видит, что мы оба очень молодые и сказал: «Идите домой». Мы даже ушам своим не поверили. «Идите, идите» — говорит, а сам тронул лошадь и поехал. Наш сопровождающий попросился к нему, он его взял, и они поехали, а мы пошли вслед за ними.

Вернувшись в Граждановку, зашли к Кате, сказали, что нас отпустили. А она говорит: «Я же говорила вам, что вас отпустят». Мы отдали ей продукты, которые взяли с собой в тюрьму, сухари и еще кое-что, а сами пошли в деревню Кукановку к знакомым ночевать — у нас там были знакомые лучше родных. Они нас хорошо приняли, накормили, мы у них ночевали, а утром встали и пошли в деревню Трубниково к родным. Пришли к ним, а там у них ночевала

наша тетя Таня, мы у нее спросили, как там дома дела, она ничего не знала, потому что как нас увезли, сразу ушла из дома, боясь, чтобы они не вернулись и не арестовали и ее тоже. Мы тут позавтракали, отдохнули и пошли домой, время было уже после обеда.

Пришли домой, а нам говорят: «Зачем вы пришли, ведь вас тут ищут, милиционер приходил утром, спрашивает о вас. Мы ему сказали, что вас арестовали, а он говорит, что я их отпустил и что они должны быть дома, но мы говорили, что вас нет. Он все везде проискзал, вас нет. Тогда он вышел, отвел куда-то лошадь, а сам вернулся к нам, разделялся и сел в доме, а нас никуда непускал и все ждал вас, что вы придетете. Не дождался и вот недавно только ушел от нас, и мы наблюдали, что он уехал из Усова».

Ну и что же делать. Взяли мы по ломтию хлеба, посолили и пошли из дома. Тетя Шура вернулась в деревню Трубниково, а я подался в деревню Спокойное к Коле Макееву. Это был мой второй побег из-под ареста.

Расскажу, как и почему так легко получился мой побег из-под ареста. Милиционер, который отпустил нас, был новенький и ехал в наш участок в первый раз. Милиционера, который был до него, взяли на войну, а этот был еще не в курсе дел, а когда отпустил нас и приехал в наш сельсовет, ему там наговорили, что он отпустил врагов народа, и ему пришлось нас искать, но все было бесполезно: нас Господь Бог сохранил от рук антихристов. После всего этого мы с Колей Макеевым снова ушли в деревню Озерки и всю зиму проработали там до весны. Весенние праздники мы провели там хорошо и весело. Но после того, как колхозники все ушли на полевые работы, мне стало труднее скрываться, работы прекратились. 1927 год рождения был тогда взят на учет, а я говорил, что я с 27 года и мне пришлось уйти в подполье, я стал жить дома, но никуда не выходил и никому не показывался. Дома жить было опасно, в любой момент могли арестовать, но Бог дал хороших соседей, которые разрешили мне пожить некоторое время у них на потолке и даже в овечьем хлеву вместе с овцами. Спал среди овец, потому как часто были облавы, но Бог проносил мимо.

Однажды прошел слух, что будет облава днем. Меня нарядили женщиной, и я ушел в лес. Ушел в мелколесье, в самую гущу леса, и просидел там весь день, кормил комаров. А во второй половине дня пошел дождь, я все сидел на пенечке под ветками, а дождь все сильнее и сильнее. Я вымок весь до нитки, все ждал

темноты и не выдержал, пошел домой. Думаю, что таким дождем никто не увидит. Дождь поливал сильный и, слава Богу, я прошел так, что никто не видел, и забрался к овцам в хлев, среди овец согрелся. А уже когда пришли доить корову и узнали, что я пришел из леса, говорят, что ж я не шел домой, меня уже заждались. Я говорил, что не знаю, вдруг там есть кто чужие. Но никого не было, и уж тогда в доме я переоделся и по-настоящему согрелся.

Вот таким образом началась моя жизнь в 1943 году.

У родных тетей я узнал, что в Гусевке в погребе скрывается Емельян (позже принял монашество с именем Енох). Какое-то время я жил с ним и еще с одним — Николаем — в этом погребе. С Емельяном было радостно, он был как ангел, нас называл братиками и наставлял, когда мы что не так делали. Сам вставал утром, молился, кушал немного и опять на молитву — вычитывал за день всю Псалтирь от корки до корки. Но мне неудобно было их стеснять и я ушел к своим.

К осени этого года дом, в котором мы жили, хозяйка продала, и мы перешли к бабке Наталье Сорокиной. Она была старая и жила одна, ей было 85 лет. Дети ее к себе не брали, и она пустила нас. Жили мы у нее, а про меня она ничего не знала, я в доме не был, жил в сарае. В зиму на топливо заготавливали навоз, и вот этим навозом отгородили мне уголок. К навозу поставили деревянную койку, а под койкой был лаз в мою конуру. А для зимы под этой конурой вырыли яму, где я мог стоять на коленях и лежать навытяжку. Глубже рыть было нельзя, так как проступала вода. И вот в таких условиях я прожил две зимы.

Потом бабка Наталья умерла. Дети начали делить дом, и нам пришлось уходить к Наташке Евсиковой. У нее умер отец, она жила в отцовском доме, а ее дом был пустой, и она пустила нас в свой дом. Тут опять в сарае вырыли яму, чтобы стоять на коленях и лежать навытяжку, и в таких условиях прожил я год. Это был уже послевоенный 1946 год.

Я скучал по воле, да и надоело есть хлеб, который не заработал. Как-то было не по себе, вроде стыдно, и я решил выйти на волю. Но в своей деревне показываться было опасно, как бы не попасть под арест. Нужно было в Алексеевку

идти, в Пензенскую область, там уже работали мои три тети — Неретина Мария Федоровна, Ларькина Анна Федоровна и Семченкова Александра Федоровна. Они работали в селе Гусевка и в деревне Сурки Гавриловского района. Прослышали про Алексеевку Пензенской области Соседского района. Там был спиртзавод и совхоз Никульевский, который выращивал картофель для завода на спирт. Картофеля сажали много, но убирали плохо, не хватало рабочих рук. Картофель оставался под зиму. Вот этот промерзлый картофель весной ходили собирать, кому было возможно, и делали из него крахмал. То есть промывали, очищали, сушили и продавали нуждающимся. Этот высушенный картофель толкли в ступе, просевали из него муку и пекли блины и хлеб. Вот этот крахмал и позвал в Алексеевку.

Мои тети ушли в Алексеевку, там нашли работу, завели знакомства. Шили одежду, где за деньги, где за крахмал. Доставляли этот крахмал в Усово моя мама и Петя на тачке. А расстояние от Усова до Алексеевки 40 километров. Вот такой несли труд.

В одну прекрасную ночь мы с Петей взяли тачку и пошли в Алексеевку. Село Курочкино прошли благополучно, а когда дошли до Гусевки, то уже чувствовали себя в безопасности и остальной путь прошли также благополучно. Мы шли не торопились, так как я с непривычки уставал, но все же в обед мы были уже в Алексеевке у знакомых. С этого момента и началась моя Алексеевская жизнь.

Мы с Петей стали у этих знакомых чинить обувь, и так одни от других узнавали, что объявились сапожники. Нас начали приглашать другие люди, и мы стали зарабатывать себе на пропитание деньги и помогать семье. Когда я первое время стал находиться в Алексеевке, я был очень бледен от того, что столько времени не был на воле, не видел, как положено, солнца. Если люди спрашивали, почему я такой бледный, то мы отвечали, что долго находился в больнице с болезнью ног, и на самом деле у меня побаливали ноги от ревматизма. Я ходил с бадиком³ долгое время, пока постепенно ноги не окрепли, но чего греха таить — этим я долгое время маскировался, надо было хорошо ознакомиться со всеми обстоятельствами новой жизни.

Однажды осенью был такой случай. Мы с Петей работали в совхозе Никульевский у знакомых, и нас там за работой застали работники райфинотдела, это налоговые инспектора. Они

³ Бадик — палочка. — Примеч. ред.

пришли к хозяевам за налогом и застали нас за работой. Один из них начал к нам притираться, чьи, да откуда, на каком основании работаем, требовал предъявить документы. А у нас их не было, мы растерялись, не знали, как отвечать. Но один из них выручил нас, просто сказал отстать от нас и что ребята мы свои, он нас знает. Он в самом деле знал нашу крестную Марию Федоровну, а также и тетю Нюру, и тетю Шуру и поэтому он за нас заступился. Потом крестная ходила благодарить его. После этого мы работали спокойно. Люди там хорошие, как в Алексеевке, так и в совхозе, не обижали нас.

В конце июня 1947 года я пришел домой в Усово ночью. День прошел благополучно, а в ночь мы с мамой собирались идти в Алексеевку. Взял тачку, вышли в два часа ночи из дома и пошли по направлению села Курошинко. Отошли от дома метров пятьсот и увидели, что со стороны деревни Волхончины быстро едет повозка. Нам было деваться некуда. Мама говорит, беги в рожь. Рожь была посеяна по краю дороги и уже колосилась, но была невысокая. Я побежал, спрятался, но меня заметили. Они поравнялись с мамой, остановились, и один из них пошел прямо на меня. Это был начальник МГБ. Он был наш усовский, Краснобаев Иван Алексеевич. В детстве был оболтусом, в школе учился плохо, после семилетки уехал куда-то учиться, то учился, то работал, летал с места на место, и в трудовой книжке у него нарисована птичка, то есть летун. И все ему сходило с рук, так как у него отец был богатый, везде его выкупал, даже откупил от войны, и он был в Усово комсомольским организатором. Потом подался в милицию и выслужился своим подхалимством до начальника МГБ. И вот он подошел ко мне с пистолетом в руке, говорит: «Вставай, кулацкое отродье, враг народа». Я встал, и он повел меня к своей повозке, велел садиться на тележку, а сам матерился, угрожая мне пистолетом, водил им возле моего носа и сам сел в тележку, сказал своему кучеру, чтобы ехал к нему домой. Он все продолжал материться, а следом пришла моя мама и начала его просить, чтобы отпустил меня. Его мать — тетя Катя — тоже начала его просить: «Ваня, пусти его, что он тебе сделал плохого?». Но он не хотел никого слушать. Сел за стол, достал бумагу и начал что-то писать. Кончил писать, запечатал пакет, отдал кучеру и сказал: «Вези его к начальнику милиции Киселеву и отдай этот пакет». И кучер повез меня в район Соколово через деревню Волхончино. Проехав мимо нашего дома и поравнявшись

с лесом, кучер остановил лошадь и сказал, чтобы я сошел с тележки и поднял ему курительную бумагу, которую он, якобы, обронил. Не знаю, что было у него на уме, возможно, он давал мне шанс, чтобы я убежал, но я этого не сделал, положился на волю Божию, что будет. Поднял бумагу и сел с ним в тележку, поехали дальше. По дороге он отдал мне деньги, которые отобрал Краснобаев, в сумме 28 рублей. И я стал просить у него, чтобы он отдал и остальное. У меня там были кое-какие фотографии, образ Божией Матери. Это он отдать не согласился и, когда мы приехали в деревню Волхончино, он почему-то заехал в Волхончинский сельсовет. Там был сторож, он оставил меня этому сторожу и сказал, чтобы этот сторож сдал меня участковому милиционеру, когда тот придет поутру в сельсовет. Сам уехал, а я остался с этим сторожем. Стало уже рассветать, сторож стал дремать, захрапел. Я хотел уйти, но дверь оказалась очень скрипучая, сторож проснулся и задержал. Тут уж опять пусты будет воля Божия.

Потом пришел участковый Панферов Яков Иванович. Сторож сдал меня ему, и он повел меня в район, в Соколово. По дороге он относился ко мне дружелюбно, спросил, за что я арестован. Я рассказал ему все начистоту. Он спросил меня, сколько же я скрывался, и я сказал, что три года. Он даже удивился, что так долго. «А ты, — говорит, — ничем не озоровал?». Я спросил, что значит «озоровать». Он говорил, что, может, для пропитания воровать приходилось? «Нет, — говорю, — я жил честно. Наоборот, помогал людям, кому обувку починю, кому погреб вырою, кому огород помогу вскопать. Покормят и немного заплатят. Цену не просил, а сколько дадут и за то спасибо скажу». Участковый снова спрашивал, не боялся ли я, что кто-нибудь заложит. «Конечно, — говорю, — были иногда сомнения, но большинство людей берегли меня. Если где чего, то предупредят, если нужно, то спрячут». Он рассмеялся и говорит, что это хорошо. Тогда я его спросил, какой срок меня ожидает. Он говорит, что не знает, на это есть суд, как суд определит. Ну а если примерно, то годика два или три дадут.

За этим разговором мы и пришли в Соколово в милицию, и он сдал меня дежурному милиционеру и сказал: «Направь этого человека к начальнику милиции Киселеву». Но не сказал, что я арестован.

Милиционер сидел на скамеечке возле двери, а я лег неподалеку на траву. Ко мне подошел парень из деревни Ордабьево. Его вызвали

в милицию за какое-то озорство. Мы с ним лежали на траве и болтали, врали друг другу о себе, кто как сумел. Потом начали подходить милиционеры и тоже начали болтать, врать друг другу, сочинять разные истории и смеяться. Скоро их позвали на политинформацию, они все ушли, а мы остались с этим парнем вдвоем. У меня в голове пошли мысли уйти, но от этого парня было неудобно, как бы он чего не заподозрил. Опять положился на волю Божию. Вдруг этот дежурный милиционер вышел и позвал меня в дежурку. Я пошел за ним. Вошли в небольшую комнату, там было человек десять милиционеров, все сидели кругом в комнате. Мне дежурный указал место, и я сел. Не прошло и пяти минут, как в комнату вошел начальник НКВД Тарабрин. Милиционеры все встали, отдали честь. Он сказал: «Вольно». Они сели. Он оглядел всех и увидел меня. Спросил, а это что за человек, зачем здесь? Я сказал, что мне нужно к начальнику милиции Киселеву. Он говорит: «Выйди на улицу и там жди его, он скоро придет». Я вышел, того парня на улице не было, и я понял, что Господь Бог устами Тарабрина приказал мне уходить. Я зашел за угол милиции, а рядом был сырзавод. Я пошел туда, попросил у них, чтобы они продали мне творогу. Мне отказали, и я пошел по направлению к Кирсанову.

Было время около десяти часов. В населенном пункте я шел нормальным шагом, а когда вышел из населенного пункта, то не знаю, шел я или бежал, или летел как птица. Кругом степь. Вышел на дорогу, которая ведет в Кирсанов, пошел по дороге и все бегом. По дороге боялся встречных, а догоняющих еще больше. Но, слава Богу, по дороге никого не было, а я все бежал и бежал.

Вдали виднелись посадки, и я бежал до этих посадок, а солнце пекло невыносимо. Поравнявшись с посадками, я свернул в них. Нашел место поудобнее, лег на траву, а вернее упал, пот лил с меня ручьем. Отдохнув немного, я развернул узелок, который передала мне мама при аресте. Там был очень черный хлеб из крахмала и вареная рыба, караси. Подкрепившись и отдохнув, я продолжал путь. Вдали виднелся Кирсанов.

Дошел до старой заброшенной дороги, которая идет прямо на Кирсанов (а не как большая дорога, которая идет через Шиновку), пошел по ней: так ближе и безопасней. И уж тут пошел ровным шагом, и от души отлегло. Дорога глухая, никто не встретился, никто не догонит.

Пришел в Кирсанов, было два часа дня. Это был мой третий побег из-под ареста.

У нас был в Кирсанове знакомый фотограф. Звали его Михаил Петрович, он фотографировал при рынке. Я подошел к нему, поздоровались, поговорили. Я ему все рассказал, как было. Он удивился и предложил, чтобы я ночевал у него. Я отказался, сказал, что пойду в Чутановку к отцу Константину. Он одобрил и сказал: «Да, иди к нему. Он помолится о тебе». Потом я попросил, чтобы он сфотографировал меня на память о том событии. Он выполнил мою просьбу. После этого присел поесть, развернул свой узелок и стал есть свой черный, как земля, крахмальный хлеб. Он посмотрел и подошел ко мне: «Что ты ешь?». Я говорю: «Как что, хлеб». Он говорит: «Какой же это хлеб, это земля». «Нет, — говорю я, — это хлеб из крахмала гнилой картошки». Он говорит: «Дай мне кусочек». Я дал. Он покушал. «Да, — говорит, — черный, а вкус есть». И пошел показывать другим фотографам, посмотрите, что, говорит, едят в деревнях. Все удивились. Я поел и собрался идти в Чутановку. Михаил Петрович сказал завтра зайти за фотографиями, а теперь идти с Богом.

В Чутановку я пришел в четыре часа. Отец Константин жил с сестрой тетей Фросей. Это был старец, слепой от рождения, маленький ростом, но был пострижен в монахи. Он имел дар от Бога — прозорливость, много предсказывал о жизни. Придя к нему, я рассказал ему, что со мной случилось. Мы с ним стали беседовать. У него было много игрушек. Он взял попугайчика, погремел им и говорит: «Вот, дяденька, попугайчик, как он хорошо гремит». (Он всех мужчин, невзирая на возраст, звал дяденьками, а всех женщин — тетеньками, потому что был слепой.) А потом взял рыбку и говорит: «А вот, дяденька, рыбка, посмотри, какая она хорошая», а сам гладит ее рукой. «А вот, — говорит, — дяденька, как она хорошо плавает в воде, а бывает, что рыбка попадает в сети, и если ей удастся выпутаться из сетей, то она больше никогда не попадет в них». Это было его предсказание. Попугайчик — это то, что я был попуган арестом, а рыбка, выпутавшаяся из сетей, это то, чтобы больше в своей жизни я никогда не испытывал страха перед арестом. Это я так понял в своей жизни, хотя и были потом небольшие инциденты, о которых будет сказано ниже.

Потом мы поужинали, помолились, утром позавтракали. Я стал уходить. На дорогу мы с ним еще побеседовали, он благословил меня. Я спросил его, куда мне идти? Он говорит: «Иди, дяденька, в Алексеевку с Богом. Туда твой путь,

там твоя жизнь, там тебя никто не тронет». На прощанье я поцеловал его руку и еще спросил: «Отец Константин, когда-нибудь будет изменение жизни к лучшему, чтобы за верующими не гонялись?» Он говорит, что будет, только нужно дождаться до девяностых годов. На этом мы с ним расстались.

Я пошел в Кирсанов, пришел к фотографу, забрал свои фотографии и пошел в Алексеевку. Фотки мои, хоть и были памятные, но по разным причинам не сохранились. Шел пешком, но на мое счастье ехала машина, я поднял руку, машина остановилась. В ней были военные, взяли меня и подбросили до поворота на Второе Пересыпкино, а тут уже пошел пешком на Алексеевку.

В час дня я уже пришел в Алексеевку. Направился к знакомым Валетовым. Бабушка Валетова была в курсе всех дел. Она всегда знала, где работает моя крестная Мария Федоровна.

— Здравствуйте, — говорю, — бабушка. Где работает крестная?

— Она, — говорит, — работает у директора завода.

Я пошел туда. Зашел на крыльце, а у них окно перед крыльцом большое. У окна в комнате сидят, согнувшись за швейной машинкой, крестная и моя мама. Мама после моего ареста сразу ушла в Алексеевку, так как боялась быть тоже арестованной. Я постучал в окно, они обе глянули и всплеснули руками. Открыли мне, обращались, удивились, а мама даже испугалась. Спрашивают обе:

— Как ты? Тебя отпустили?

— Нет, — говорю, — не отпустили, а я убеждал.

А мама говорит:

— Что же теперь будет, теперь нас всех арестуют.

— Ну-ну, — вступилась крестная, — хватит. Нужно радоваться, что Коля опять с нами.

— Нет, — говорю я, — никого не арестуют, ведь Сам Господь устами Тарабрина повелел мне уходить, значит, так нужно.

И я рассказал им все как было, и что я был у отца Константина, что он мне говорил, и что благословил идти в Алексеевку. Они успокоились. После этого случая проходили дни за днями, нас никто не трогал. Мы работали спокойно.

В это время Яков Андреевич Сюсин клал печки в Алексеевке. Я попросил его научить и меня этому ремеслу. Он согласился, и я стал ему помогать. Сложил вместе с ним всего три русские печки и стал уже класть самостоятельно. У меня завелись деньги, и я стал кое-что себе покупать из одежды и обуви.

Почитаемая могилка блаженного Георгия на кладбище г. Кирсанова. Фото 2005 г.

Но вот летний сезон кончился, а в зиму я попросил крестную Марию Федоровну научить меня портновскому ремеслу. Она очень удивилась:

— Неужели ты, Коля, хочешь быть портным?

— Да, хочу.

Она рассмеялась и говорит:

— Ну, тогда приступай.

И я начал учиться шить. Всю зиму с ней ходил по домам, шили одежду и платья. Но я старался освоить верхнюю одежду. Смотрел внимательно, как она кроит по сантиметру. И к весне, за три зимних месяца, я все освоил. «Ну, — говорю, — крестная, давай мне самостоятельную работу». И она меня поставила на перелицовочную работу. Я сам распарывал, чистил, гладил и перелицовывал одежду. А потом стал осмеливаться кроить и шить. И таким образом к 1947 году я приобрел две специальности: пекника и портного.

В конце декабря 1947 года мой отец вернулся из заключения после десяти лет разлуки. На встречу с отцом я из Алексеевки пришел домой. Но открыто ходить было нельзя. Я находился во дворе, где у нас опять была подготовлена яма. Вот там я и прятался.

Пришел отец, собирались родные, соседи, знакомые, сидят за столом. Был уже вечер. Я вышел из ямы, смотрю в заднее окно — охота увидеть отца. В доме народу много и так толпятся, что отца не видно. Он сидел за столом и его окружили. Я долго стоял, но сильный мороз давал о себе знать. Я решил спуститься в яму и стал ждать, когда позовут.

Наконец, позвали. Вошел в дом, обнялись с отцом, целовались и от радости плакали. Потом долго беседовали. Отец рассказывал о своих похождениях в тюрьме, сколько ему пришлось пережить. Было уже за полночь, а мы все разговаривали. Наконец утомились, стали готовиться ко сну. Я пошел в свою яму, а утром отец спустился ко мне. Мы с ним долго говорили. «Да, — говорит, — сынок. Не сладко тебе жилось без меня».

Весь день я пробыл в этой яме, а ночью пришел в дом к семье. Сколько было радости, что наконец-то мы все вместе, а перед рассветом, утром, мне нужно было уходить в Алексеевку. Как ни радостно было с отцом, но в яме сидеть не сладко. А в Алексеевке все-таки свобода, и я ушел.

Жизнь моя в Алексеевке проходила, можно сказать, хорошо. Стал я чисто одеваться, по вечерам ходить на улицу. Были у меня друзья, особенно двое хороших. Это рядовой колхозник Баталин и фельдшер-акушер Лядов Иван Александрович. И вообще, в Алексеевке меня уважали за мой общительный характер, за мою веселость. Осенью девчата и ребята в праздники, такие как Покров, Казанская, Новый год, Масленица, делали складчину, устраивали вечера с гармошкой и весельем и никогда меня не обходили, жилось весело.

Проживал я у друга — Баталина Василия Николаевича — и у его дяди — Бокарева Павла Яковлевича. Летом клал печи, а зимой шил одежду. На своем жизненном пути в Алексеевке я встретил девушку — Баталину Марию Федоровну. Она была рядовая колхозница, так как ее родители, Баталин Федор Тимофеевич и мать — Баталина Мария Трофимовна, были рядовые колхозники. А в то время был сталинский закон, если глава семьи — колхозник, то все члены семьи считались колхозниками и уж не имели права уходить из колхоза ни на какое другое предприятие. Но Маруся не любила колхоз и всячески избегала колхозную работу. То работала надомщицей от Соломинской ковровой фабрики, то сборщицей яиц по заготовке от государства. Ее часто назначали от колхоза то на торфоразработку, то на лесоповал в Архангельск, но она все это избегала, и ей даже приходилось скрываться.

Мы с ней дружили года два, а потом решили пожениться. На Троицу 24 июня 1951 года, вечером, мои родители пришли к ее родителям свататься. Распили бутылку водки, посидели минут 30, и мы пошли на улицу, а родители остались беседовать. Вот и вся наша свадьба. С этой поры я стал проживать у Маруси, то есть у них в доме. Я продолжал работать по печному делу, а Маруся устроилась дояркой на живце. Мы стали думать, как оформить наш брак официально, так как у меня не было никаких документов. В этом деле мне помогла наша усовская знакомая Вания Анастасия Ивановна. Она была годом моложе меня. По молодости у меня с ней были хорошие отношения, и нас с ней считали женихом и невестой. Но война сделала свое дело, и она вышла замуж за моего двоюродного брата — Фатеева Александра Ивановича. Он работал трактористом, и на нем была бронь, на войну его не брали. А она устроилась секретарем сельсовета, и к ней обратилась моя мама и сестра Валя с просьбой о выдаче мне свидетельства о рождении. Что она и сделала. Выписала этот документ, спасибо ей.

В Алексеевке в сельсовете был секретарь — Потехин Николай Андреевич. Я с ним поговорил, можно ли по свидетельству о рождении заключить брак. Он говорит, а чего же, можно. И мы 22 октября зарегистрировались и пригласили его домой. Вечером он пришел, мы его хорошо угостили допьяна и проводили домой.

В зиму я устроился работать на живце скотником, потом стал возить барду и воду коровам, а дома в свободное время по вечерам шил одежду по заказу, а весной и летом работал с Суслиным Михаилом Леонтьевичем по плотницкой части. В живце ремонтировали кормушки, готовили коровники к зиме. Однажды меня попросил сложить печь Кузнецов Александр Егорович, и мы с Михаилом Леонтьевичем стали класть. Сложили половину печи, и на нас напал агент по налогу, свой же, Алексеевский, Манякин Николай Михайлович. Начал притираться, платим ли мы подоходный налог? Мы сначала думали, что он шутит, а он попер вдурь, и мы все бросили и ушли, две недели не приступали к работе. Его кое-кто из соседей стал стыдить: «Что ты делаешь, свой сельчанин, а так поступаешь?» И, по всей вероятности, стыдно стало ему. Он наказал, чтобы мы доделали, обещал не подходить, и мы доклали печь. А потом меня прораб взял в совхоз работать, и я стал там класть печки по квартирам и общежитиям. А в зиму опять на живце скотником был.

В 1952 году, 28 марта, у нас родился первый сын — Михеев Александр Николаевич. А в 1953 году мы решили построить свое жилье. Купили в селе Похвистневке небольшой дешевый домик за 600 руб., перевезли и поставили с помощью моего отца. Первую зиму мы зимовали без пола, пол был земляной. Застелили его соломой. Солому через три дня меняли. Саша был маленький, ему было только год от роду. Он ходил по полу в самом низу, а в доме было холодно, внизу самый холод. У него даже опухали пальцы рук. Потом, летом, мы постелили пол из досок.

Да, я забыл написать один случай, когда был еще холостым. Я шил одежду у Потапкина Ивана Павловича. Дело было к вечеру, жена его, Любовь Климентовна, ушла доить корову, а я разглаживал утюгом сшитые детали одежды. Вдруг заходит человек с полевой сумкой, стоит и молчит. Я поначалу подумал, что это с заводом кто к Ивану Павловичу, так как он работал там кладовщиком. Потом слышу — около двери с улицы какая-то возня. Я отложил в сторону утюг и — к двери. А там Люба подоила корову и шла домой, столкнулась у двери с Махныкиным Николаем Михайловичем. Он в то время работал агентом по налогу, и Люба, зная, что я занят шитьем, не пускала его в дом. А я, зная замашки Махныкина, в другую дверь вышел на улицу и ушел к Бокаревым. Так как я был раздетым, а было холодно, я одел одежду Павла Яковлевича и ушел к Боталиной куме Анне. Прошло некоторое время, я послал ее сына Шуру к Потапкиным посмотреть в окно, а было уже темно. Он сходил, пришел, сказал, что они там все еще сидят. Потом я пошел к своему другу Лядову Ивану Александровичу. Он говорит:

— Ну что, пойдем в кино?
— Как же я пойду, когда я разутый и раздетый, — и рассказал ему, что произошло.

Он был отчаянным парнем, и мы пошли их разгонять. Пришли к Потапкиным, а их там уже нет, они ушли, и Люба рассказала, что они приставали: кто это был, а она не растерялась и сказала, что это ее брат, который живет на Садовом поселке. Почему он гладил утюгом? Да он просто баловался. А кто шьет одежду? Да это она сама для своих ребятишек. На этом она их и убедила, они ушли. Ну, мы с ним выпили (у меня была выпивка), закусили и пошли в кино. Сидим

с ним в кино, вдруг заходит Махныкин Николай Михайлович с милиционером Булушевым Петром Федоровичем. Мой друг Лядов Иван Александрович сразу сообразил и столкнул меня со скамейки, спрятал под нее. А они позиркали глазами по залу, увидели, что меня нет и ушли. На этом дело и кончилось.

Кладбищенский храм во имя свт. Козмы и Дамиана. Г. Кирсанов.
Фото 2005 г.

А вот еще случай, когда у нас еще не было Саши. Я работал в живцехе, возил барду коровам. Вставал в три часа ночи и шел на конюшню запрягать лошадь. До восьми утра привозил восемь-девять бочек. И вот однажды со мной произошел несчастный случай. Привез восемь бочек, поехал за девятой, и моя лошадь споткнулась около бардена бассейна и упала в ключ, по которому текла горячая барда и обварила себе весь зад, а в то время насчет лошадей было очень строго.

Мы с Марусей очень переживали. За порчу лошади сильно наказывали, и мы ждали нака-

зания, но, слава Богу, обошлось. На второй, и третий, и четвертый день еще у троих человек лошади падали в барду, но благо, что в холодную. Этим мы и спаслись от наказания, так как было признано несоблюдение техники безопасности со стороны начальства. И тут начали ограждения делать около барденных бассейнов. Слава Богу, все обошлось.

Когда мы постелили пол, в нашем домишке стало уютно, чисто, и мы были очень рады, что у нас наконец-то свой дом. Но была лишь одна беда, что у меня кроме свидетельства о рождении не было никаких документов, и я не стоял на воинском учете. Но, наконец, и эта проблема была решена.

Как-то зимним вечером пришел к нам Махныкин Николай Михайлович. Он в это время начал работать секретарем сельсовета и узнал, что я не стою на воинском учете. И вот стал с нами беседовать, как же мол так, ведь нельзя же так, за это и его самого могут наказать. Ну что же, мы его, конечно, делом, угостили. Он выписал мне повестку в военкомат и подсказал, куда обратиться. Сказал утром ехать в Соседку, в военкомат. Я, конечно, боялся, но он обещал туда позвонить по телефону, чтобы со мной обошлись не так строго. Ну что ж, от судьбы не уйдешь, хотя и боязно мне было, но и надоело жить зайцем. В то время я работал на спиртозаводе, у нас была бригада 12 человек, мы грузили из буртов картошку и возили на завод. Я сообщил ребятам, что не выхожу на работу, так как вызывают в военкомат. И на второй день поехал. В военкомате погоняли по кабинетам. Военком сильно меня ругал, но, наконец, написал мне записку, чтобы я шел в сберкассу и заплатил сто рублей штрафа, и с этой квитанцией, что дадут в сберкассе, завтра придти к нему же. Я сходил, заплатил, а утром пошел в военкомат, подал эту квитанцию. Часов в одиннадцать мне выписали военный билет, и я счастливый поехал домой.

На спиртозаводе работал механиком Сподонейко Алексей Петрович. Он жил у Ивановых. Как-то пришел к нам и попросил перешить ему костюм. Я перешил, ему очень понравилось. Мы с ним разговорились, и я попросил его взять меня работать внутрь завода. Когда кончалось сырье, завод останавливали на ремонт, все лето велись ремонтные работы, так что жилось неплохо.

Маруся с рождением Саши работать не стала. Мы купили корову, завели овец — полное хозяйство, не до работы. Потом, в 1955 году, 30 октября, родилась Зина. Саша уже подрос, ему шел четвертый год. Я уходил на работу, а он помогал маме нянчить Зину. Мама уходила за бардой корове,

а он качает Зину в качке. Поставит посреди комнаты табуретку и представляет, что заводит патефон и поет песню «Авара я, авара я» из фильма «Бродяга». И таким образом он хорошо помогал маме.

В 1957 году, 4 ноября, родился Витя. Жизнь шла хорошо. Но в 1958 году наш завод закрыли по глупому постановлению Никиты Хрущева. Якобы мелкие спиртозаводы нерентабельны и подлежат закрытию. И закрыли. И пошла жизнь кувырком. Людям стало негде работать. Кое-кто из Алексеевки выехал, но мы еще держались.

В 1959 году родилась Оля, и в этом году мы стали пристраивать к своему дому еще три стены. Нам помогали мои родители. Отец купил где-то старенький дом и перевез его к нам, пристроил к нашему дому три стены. Таким образом, у нас появились кухня и горница. Стало жить попросторнее. Но в Алексеевке жизнь после закрытия завода стала ухудшаться с каждым годом. Работать было негде, и платили очень мало. Перебрасывали на разные работы. То подвозил корма на лошади. Ездили далеко, километров за десять в мороз и пургу, а платили мало. Я старался изо всех сил. Кроме совхозной работы зимой вечерами шил одежду, летом клал печи. Все старался, чтобы дети были сыты, одеты и обуты.

Дети росли на славу и радость родителям. Саша рано выучил все буквы и уже учился читать по слогам, а 1 сентября 1959 года он пошел в школу в первый класс. И когда он выучился хорошо читать, он стал учить грамоте Зину. Он копировал своего первого учителя. В то время первый класс вел мужчина. Я сейчас не помню его фамилию, и как его звали, но помню, как Саша менял голос, подражая своему учителю. Клал на табуретку букварь и указывал на букву. Он спрашивал Зину: «Это какая буква?» Спрашивал по-учительски, строго. Зина, в свою очередь, оказалась очень понятливой девочкой, и таким образом Саша, учась в первом классе, выучил Зину читать букварь. И Зина в свои три с половиной года выучилась хорошо читать и ходила в библиотеку, брала детские книги и с увлечением читала. А в пять с половиной лет она стала читать газеты, в свои пять лет и девять месяцев в 1960 году 1 сентября пошла в школу в первый класс. Мы ее не пускали, но она самовольно взяла сумку, положила туда букварь и ушла в школу, а там заявила, чтобы ее записали в первый класс. Но ей сказали идти домой и прийти с мамой или папой. Она пришла домой в слезах, и я пошел с ней в школу. Зашли в учительскую. Там сидели двое: директор

Закрытый и полуразрушенный храм во имя Тихвинской иконы Божьей Матери
в Тихвинском женском монастыре. Г. Кирсанов.
Фото 2005 г.

школы Боченков Дмитрий Иванович и представитель из района Дубинин. Я сказал, что дочка хочет ходить в школу. Директор спросил, сколько ей лет. Я умышленно сказал, что ей шесть лет и десять месяцев. Директор сказал, приедете через год. Зина обиделась и говорит: «Что же я приду через год и буду учить Вас грамоте?». И потянула районную газету, лежавшую на столе, начала читать статью. Дубинин смотрит, улыбаясь, и говорит Боченкову: «Возьми девочку в первый класс, но в журнал пока не записывай». И так Зина стала ходить в школу. До половины зимы ее не записывали в журнал. В половине зимы к нам пришла ее учительница Любовь Тимофеевна Игнатьева советоваться, записывать в журнал Зину или нет. Посоветовавшись, решили записать, так как Зина училась на одни пятерки.

Ну а Витя с Олей были очень дружные между собой, очень любили друг друга. На улице напротив нашего дома всегда была лужа. Осенью, когда начинались морозы, вода замерзала. Они на этом льду играли, катались. И вот играют-играют и начнут целоваться, а люди, проходя мимо, смотрят, интересуются и говорят, какие дружные дети. И так жизнь шла своим путем.

В 1965 году Витя пошел в первый класс, а в 1967 году пошла и Оля. Мы жили в Алексеевке до 1968 года. Работать приходилось на всяких работах. Работал скотником, пастухом, на подвозе кормов, на стройке, банщиком, дрожжеваром, и везде платили мало. Самое большое — 40 рублей в месяц, а доходило и до 25 рублей. Благо, что я подрабатывал дома, шил одежду и клал печи, а то бы и не выжить. Я часто говорил: «Маруся, давай переедем в Кирсанов», но она никак не соглашалась. Она очень любила Алексеевку. Но, наконец, в 1968 году она согласилась, и мы с Сашей весной сели на велосипеды и поехали в Кирсанов.

Приехали в Прямуницу к дяде Пете, и я пошел на откормочный совхоз узнать насчет работы. Там мне пообещали работу и участок для застройя. Когда мы с Сашей вернулись домой, то стали думать, как нам быть с переездом, ведь денег у нас в запасе не было. А дом в Алексеевке никто у нас покупать не стал, так как на вид он был не очень важный. Мои родители жили в Усове, они построили общий с Зиной Михеевой дом и жили вместе. Зина одна, а их двое. Но дом считался Зинин, и она считалась хозяйкой. Мой маме это не очень нравилось. Когда я к ним приезжал

в гости, она все жаловалась на Зину. И вот мы решили отдать свой дом родителям, а они должны были помочь нам здесь, в Кирсанове, построить дом. На том и решили. Родители согласились. Да еще и дали нам денег 500 рублей на покупку дома. Мы купили в Хилкове дом за 600 рублей, перевезли и поставили. Хотя он был с большими недоделками, но в зиму с 1968 на 1969 год зимовали уже в своем доме.

Еще в 1956 году в Алексеевке мы посадили сад 30 яблонь. Купили одну семью пчел. Стало о чем заботиться. К переезду в Кирсанов у нас уже было 15 семей пчел.

В Кирсанове я работал на откормочном, на разных работах, а Маруся работала на сахарном заводе. Через два года, в 1970 году, 1 апреля, я поступил на хлебозавод, где и проработал до пенсии. В 1971 году и Маруся перешла на хлебозавод и проработала до 1979 года, до августа. Получив тамувечье, она стала инвалидом второй группы. На группе прожила 8 лет и 4 месяца, и в 1987 году, 3 декабря, она умерла от рака желудка.

В 1990 году, 18 ноября, нежданно-негаданно судьба свела меня с женщиной из Любичей — Бубновой Антониной Федоровной. 18 ноября мы с ней познакомились, 27 декабря расписались, а 23 января 1991 года обвенчались. И, слава Богу, живем благополучно. Спасибо детям за то, что они приняли ее любезно, а она, спасибо ей в свою очередь, относится к моим детям тоже любезно, и отсюда идет в моей семье благополучие. Слава Богу. Спасибо покойной моей супруге — Михеевой Марии Федоровне, что она подарила мне таких хороших детей.

Спасибо и второй моей супруге — Михеевой Антонине Федоровне за то, что она любезно встречает и провожает моих дорогих детей. Это дар Божий за все страдания, выпавшие на мою долю в жизни. Я благодарю Господа Бога за все Его благодеяния, которые Он мне дал. Несмотря на все трудности и страдания, переживания и невзгоды, выпавшие в жизни, я не унываю, а считаю себя счастливым человеком, так как прожил жизнь честно, добросовестно относился к работе, где бы ни работал. Я очень боялся, как бы кого не обидеть словом или делом, а также внушал своим детям, чтобы они были честными, трудолюбивыми и независтливыми. Слава Богу, что внушения мои не были напрасными. Дети мои и трудолюбивы, и честны, и независтливы. А это и есть мое счастье, за что благодарю Господа Бога.

А теперь, дети мои, жизнь моя прожита, и жить осталось мало. Не знаю, сколько я проживу, год, два, три, а возможно, пять или больше,

но уже не столько, сколько прожил, а поэтому прошу Вас всех жить в дружбе и любви. Не завидуйте друг другу, любите друг друга и по силе возможности помогайте друг другу, как и заповедал нам Господь наш Иисус Христос в святом Своем Евангелии, «да любите друг друга», ибо этим исполняются все десять Заповедей Божиих. И еще раз прошу, живите дружно. А тем более вы должны сплотиться, когда нас не будет на белом свете. И если меня не будет на белом свете, а мама Тоня останется одна, прошу не оставить ее без внимания, а также если я останусь один, то не забудьте и меня. А между собой, еще раз прошу, будьте дружны и любите друг друга. [...]

МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Россия!

Люблю я Русь народную
И русский вольный край,
Где тунеядцам места нет,
Где труженикам — рай.
Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие —
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас
Всю правду-матерь по простому
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь, и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,
Такой язык не врет.
У кривды голос ласковый,
Медовые уста.
У правды речь укорная,
Сурова и проста.
У кривды сто лазеек,
У правды — ни одной.
У кривды путь извилистый,
У правды — путь прямой.
В сапожках кривда, в лайковых,
А правда — босиком.
Но за босою правдою
Пойдем мы прямиком!

Что не должно делать, чтобы жить богоугодно

Часто, для того чтобы сделать то, чего мы желаем, нужно только перестать делать то, что мы делаем. Только посмотреть на жизнь, ведомую людьми в нашем мире. Посмотреть на Чикаго,

Париж, Москву — все эти города, все заводы, железные дороги, машины, вооружение, пушки, крепости, книгопечатни, музеи, 30-этажные дома и т.п. — и задать себе вопрос: что надо сделать прежде всего для того, чтобы люди могли жить хорошо? Ответить можно, наверное, одно. Прежде всего, перестать делать все то лишнее, что теперь делают люди. А лишнее в нашем европейском мире это 99 % всей деятельности людей.

О мужестве христианской веры

Говорят, что христианство — учение слабости, потому что предписывает не поступки, а преимущественно воздержание от них. Христианство — учение слабости?! Хорошо учение слабости, основатель которого пострадал мучеником на кресте, не изменяя Себе, и последователи которого насчитывают тысячи мучеников, единственных людей, смело смотревших в глаза злу и восставших против него. И тогдашние насильники, казнившие Христа, и теперешние насильники знают, какое это учение слабости, и боятся более всего этого учения. Они чутьем видят, что это учение одно, под корень и верно разрушает все то устройство, на котором они держатся. Гораздо больше силы нужно для воздержания от зла, чем для делания самой трудной вещи, которую мы считали добром. Надо не столько стараться сделать добро, сколько стараться быть добрым, не столько стараться светить, сколько стараться быть чистым. Душа человека как будто в стеклянном сосуде, и сосуд этот человек может загрязнить и может держать чистым. Насколько чисто стекло сосуда, настолько светит через него свет истины — светит и для самого человека, и для других.

И потому главное дело человека — внутреннее, в содержании в чистоте своего сосуда. Только не загрязняй себя и тебе будет светло, будешь светить и людям.

О молчании

Человек — носитель Бога. Сознание своей божественности он может выражать словами. Как же не быть осторожным в слове? Прежде думай, потом говори. Но остановись прежде, чем тебе скажут: «Довольно».

Человек выше животности способностью речи, но он ниже ее, если болтает, что попало.

Лучший ответ безумному — молчание. Каждое слово ответа отскочит от безумного на тебя.

Отвечать обидой на обиду — все равно, что подкидывать дрова в огонь.

Чем больше хочется говорить, тем больше опасность, что скажешь дурное.

Большая сила у того человека, который умеет промолчать, хотя он и прав.

Давай больше отдыхать языку, чем рукам.

Часто молчание — лучший из ответов.

Семь раз проверь язык, прежде чем начнешь говорить.

Надо или молчать, или говорить вещи, которые лучше молчания.

О смиренении

Истинное учение научает людей высшему добру — основанию людей и пребыванию в этом состоянии.

Чтобы обладать высшим благом, нужно, чтобы было благоустройство в семье. Для того чтобы было благоустройство в семье, нужно, чтобы было благоустройство в самом себе. Нужно, чтобы сердце было исправно. Для того чтобы сердце было исправно, нужны ясные и правдивые мысли.

Совсем отречься от себя — значит, сделаться Богом. Жить только для себя — значит, сделаться совсем скотом. Жизнь человеческая есть все большее и большее удаление от скотской жизни и приближение к жизни божеской.

Может быть смиренным только тот человек, который знает, что в душе его живет Бог. Такому человеку все равно, как судят о нем люди. Мудрецу сказали о том, что его считают дурным. Он отвечал: «Хорошо, что еще они не все знают про меня — они бы еще не то сказали».

Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно сознательно и легко воспринимают истинное христианское учение, тогда как самые ученые люди продолжают коснуться в грубом язычестве. Бывает это от того, что простые люди большей частью смиренны, а учебные большей частью самоуверенны. Смиренных людей все любят. Мы все желаем быть любимыми, так как же не стараться быть смиренными?

Для того чтобы люди могли жить хорошо, надо, чтобы был мир между ними. А там, где каждый хочет быть выше других, не может быть мира.

Чем смиреннее люди, тем легче им жить мирной жизнью.

Нет ничего сильнее смиренного человека, потому что смиренный человек отказывается от себя, дает место Богу.

Прекрасные слова молитвы! («Приди и вселися в ны»). В этих словах всё. Человек имеет всё то, что ему нужно, если Бог вселится в него. Для того же, чтобы Бог вселился в человека, делать нужно только одно — умалить себя, чтобы дать место Богу. Как только человек умалит себя, Бог тотчас же вселится в него. И потому для того

чтобы иметь всё, что ему нужно, человеку надо прежде всего смириться.

Чем глубже человек спускается в самого себя и чем ничтожнее он представляется себе, тем выше он поднимается к Богу.

Остерегайтесь мысли, что вы лучше других и что у вас есть такие добродетели, каких нет у других. Какие бы ни были ваши добродетели, они ничего не стоят, если вы думаете, что вы лучше других людей.

О спасении

Если люди говорят вам, что не надо во всем добираться до правды, потому что полной правды никогда не найдешь, не верьте им и бойтесь таких людей. Это самые злые враги не только истины, но и ваши. Они говорят только потому, что сами живут не по правде, и знают это, и хотели бы, чтобы и другие люди жили так же.

Знающий других людей — умен, знающий самого себя — просвещен. Побеждающий других — силен, побеждающий самого себя — могуществен.

Тот же, кто знает, что, умирая, он не уничтожается — он вечен.

Если рай не в тебе самом, то ты никогда не войдешь в него.

Человек от рождения и до смерти хочет себе добра, и то, что он хочет, то и дано ему, если его ищет там, где оно есть! В любви к Богу и людям.

У каждого свой крест, свое иго. Не в смысле назначения жизни. И если мы смотрим на крест не как на тягость, а как на назначение жизни, то нам легко его нести, когда мы кротки, покорны, смиренны сердцем. А еще легче, когда мы отрекаемся от себя. А еще легче, когда мы несем крест этот на каждый час, как учит Христос. А еще и еще легче, если мы забываем себя в работе духовной, как люди забывают себя в работах мирских. Крест, посланный нам, — это то, над чем надо работать. Вся жизнь наша — это работа. Если крест — болезнь, то нести ее с покорностью, если обида от людей, то уметь давать добром за зло, если унижение, то смиряться, если смерть, то с благодарностью принять ее.

Спаси, Господи, всех правомыслящих людей.

«Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его» (Ин. 1, 5).

